

ВДОВЫ РОССИИ

ЖИЗНЬ МОЯ — МОИ УЧЕНИКИ

Найти дом и квартиру Екатерины Гавриловны Сучковой мне не составило никакого труда. Первый же встретившийся прохожий воскликнул: «Да кто ж ее в Академгородке не знает, она почти с самого его основания здесь учительствует! Ее первые ученики уже дедками стали!»

Нажимая кнопку звонка, ожидала увидеть старушку — недавно Екатерина Гавриловна отпраздновала 90-летие. А дверь мне открыла стройная женщина с веселыми искорками в глазах. И двухчасовая беседа с ней доставила огромное удовольствие. Когда возвращалась домой, хотелось каждому прохожему рассказать, с каким удивительным человеком я только что познакомилась.

Шестилетний педагог

Родом она из Томска. Отец погиб в Гражданскую войну, когда Катеньке был всего месяц от роду. На руках у матери трое детей осталось. Когда девочке исполнилось шесть лет, мама отдала ее в няньки. — «Вот тогда-то я впервые и почувствовала себя учителем, поняла, что умею работать с детьми. Семья, в которую меня отдали, была интеллигентная: старенькая бабушка не справлялась с хозяйством и меня попросили приглядеть за девочкой, которая была всего на полтора года младше меня. И я с удовольствием играла роль ее «учителя».

Я вообще была самостоятельным человеком. Без ведома мамы устроилась работать на кондитерскую фабрику. Мне подставки специальные делали, чтобы я могла с горячего конвейера пряники в коробки перегружать. Как-то упала на горячий лист животом. Все работницы меня лечили, мазали каким-то маслом. А однажды мы пошли с мамой в баню, она увидела шрам, испугалась.

Позднее, когда уже в 4-м классе училась, была воспитательницей в детском саду в младшей группе. Что я только для своих ребятшек не придумывала! Экскурсии в лес за грибами, в деревню на фермы, на птичий двор, в поля. Игры устраивали разные, соревнования. И читали много.

«Полк капитана Сучкова не вышел из боя...»

— С мужем моим, Михаилом Сучковым, познакомилась в Томске. Он там в артучилище учился, а я — в педучилище. Я, непоседливая, инициативная, была членом ОСОАВИАХИМа, мы и на лыжах, и на коньках бегали, и на стрельбище ходили, и с парашютом прыгали. Я еще и балетными танцами увлекалась. А Сучков мой был серьезный, строгий мужчина, внимательно за мной следил, но моим занятиям не мешал.

Поженились, когда мне было 17 годков, а ему — 27. Год прожили, и его в Академию в Москву направили учиться. А я тогда уже ребенка ждала. Он приехал в отпуск, а соседка пожаловалась, что я на последнем месяце беременности в лыжных гонках участвовала и второе место по городу заняла. Мой суровый лейтенант сразу на «Вы»: «Как Вы могли? Соберайтесь, я Вас здесь не оставлю!»

В Москве и пожила-то всего ничего, только что второго ребенка приобрела. Как началась война, его призвали на фронт, и больше я своего мужа не видела. Никак не могла поверить, что мой Миша, такой молодой, красивый пропал без вести. Искала, писала во все инстанции, потом получила документ: «Помощник начальника штаба стрелкового полка капитан Михаил Сучков исключен из списка офицерского состава как пропавший без вести». Его полк не вышел из боя...

Самые первые, самые трудные, самые любимые

— Мне было 17 лет, когда в Томске училище закончила. Никто из директоров городских школ принять на работу не решился, и отправили меня на станцию Тайга, что под Томском. Дали второй класс и комнатку в общежитии. Мне всё там нравилось — очень отзывчивый, дисциплинированный народ, ребята послушные. А Сучков приехал и меня уволил. Директор говорит: «Катя, мне так жалко с тобой расставаться, но молодой человек уже приказ привез из облоно — тебя переводят в Томск, причем в школу, где ты училась».

В родной школе дали мне 4-й класс, и это стало большим испытанием. Мои дорогие учителя отдали мне всех, на кого сами махнули рукой. Я с 1919 года рождения, а они — кто с 20-го, кто с 22-го, и даже с 24 года! Три десятка отъявленных парней и 12 не лучших девочек.

Прямо в классе у нас была плита и туалет. Я и говорю ребятам: «Приносите картошку, капусту, хлеб и чай, будем здесь варить и кушать, потому что заниматься целый день придется, пока других не догоним». Потом организовала различные кружки. Ходила по домам, разговаривала с родителями, родными. И в каждом из детей струночку нахо-

дила отдельную.

Мой Сучков пришел как-то к директору и говорит: «Она все вечера в школе пропадает. Я ее вообще не вижу!». Директор объясняет: «Да у нее класс уж больно трудный». И тогда Сучков говорит: «Я этот класс вылечу». Пришел к нам на занятия красивый, высокий, в военной форме, и говорит: «Я в воскресенье вас приглашаю в лес покататься на лыжах». А у них в артиллерийском училище были отличные лошади. На них надевали хомуты, привязывали с одной и с другой стороны по пять крепких веревок и на лыжах катали первокурсников. И моих хулиганов он прокатил до деревни Заварзино, 15 км туда и обратно... Сидят в понедельник притихшие, видно ноги, руки болят.

...И вот приближается Первомай. Обычно класс моей бывшей учительницы числился в передовых и именно его сажали на машину и везли на демонстрацию. А тут вдруг вся школа решила, что надо мой класс поощрить! И вот почему. Как-то директор пришел к нам на урок и не узнал ребят. Они все в синеньких рубашечках, белых воротничках. Девочки в блузочках и синеньких юбочках. Я неделимы по родителям бегала, по мастерским искала материал, чтобы ребят приодеть. Потом на педсовете директор сказал: «Я всем бы посоветовал сходить в этот класс». И педсовет решил, что именно наш класс поедет на демонстрацию на машине. Уж как ребята были счастливы, не описать!

Потом мне дали пятый класс вести, правда, с условием, что поступлю в пединститут. Я была у них классным руководителем. Куда мы только не ходили, каких походов не совершали! Чтобы ребята увидели, как в деревне умеют отдыхать, я заранее съездила туда, договорилась с председателем колхоза, и они пригласили нас «на полянку». Горит костер, пляски, танцы, частушки, песни. Потом увезли в город на лошадей. Ночь, темно, луна, звезды и лошади. Незабываемо! Ребята все просили: поедем еще, у них так весело, мы согласны даже пешком пойти!

Трудно представить, что из первых моих учеников всего три мальчика остались в живых — один рано поседел, другой — без ног и третий — с простреленным легким. Из двенадцати девочек семеро врачами стали.

Отчаяние

А потом была эвакуация. Меня направили во Фрунзе. Но в поезде родила сына, везли-то нас в теплушках, я застудилась. Месяц пролежала в госпитале в Свердловске, а потом в Иркутск отправили. В городе вакантных мест в школах не оказалось, и меня направили в Боханский район директором школы. В школе холодно, дров нет. Я к директору колхоза, а он: «Ехать за дровами некому, поезжай сама!». А я даже лошадь запрягать не умею! Мне запрягли и показали куда ехать. Кое-как я доехала, нашла делянку, сложила дрова на арбушку, связала их и попыталась выехать. А арбушка ни туда, ни сюда. Долго мучилась, но лошадь ни с места. И такое отчаяние взяло, что накинула веревку на березу и... повесилась. Спас меня случайно проезжавший мимо представитель из горкома — они как раз объезжали совхозы с проверкой. Вынул из петли, водой отпоил. А я всё реву и реву. Лошадь освободил. Оказалось, пень между колесами попал, и арбушка, когда ее нагрнула, на него прочно села.

Вскоре предложили мне место и комнат-

ку на станции Михалево. А когда эта станция была затоплена во время пуска ГЭС, перевели в 114 школу в Иркутске.

Потом, когда сына младшего Витеньку потеряла, такое же чувство отчаяния испытала. В Лисиху в детский сад обоих сыновей водила. Хорошие у меня были мальчики, добрые. Младшенький Витенька придет, бывало, к поварам: «Я свободен, чем вам помочь?» Они давали ему задания — косточки из компота вынимать, картошку мыть. 15 человек в садике заболели корью, повезли их на 1-ю Советскую, никому ничего не сказав. Дети, кто писать, кто пить просит, а Витя через холодный коридор в туалет бежит, чтобы каждому помочь. Все поправились, а у него корь легла на легкие. Крупное воспаление, и ничего сделать не могли.

А через 10 лет потеряла и старшего Мишу. 16 лет ему было. Был он таким же активным, как и я. В школе увлекался столоярным делом. Такие тумбочки делал! Вот одна у меня до сих пор сохранилась. Помню, табурет сделал, с выдвижным ящичком для инструментов. А еще он на планере летал в Оеке. И как-то говорит: «Мама, что-то я плохо планер посадил — дышать было трудно». А мы частенько угорали с ним, печка неважная была, а холодно, топили много. Видно гарь осталась в горле, кто-то говорил — радиация, да откуда ей было взяться?! Мальчик мой в две недели сгорел, и никто ничем не мог ему помочь. Металась я, жить не хотелось. Все на кладбище бегала, а как-то весной собралась, оделась полегче — там-то все равно, и повесилась на дереве у могил сыновей моих. И опять меня спасли — ученик мой стал искать, всех обжал и обратил внимание, что теплая одежда дома. Быстро на кладбище, а я там...

«Всехняя» мама

Вот так и случилось, что всю свою нежность, нерастратченную любовь обратила я на учеников своих, и семьею моею стала школа. И несмотря ни на что, считаю все-таки себя счастливым человеком! Вокруг меня всегда люди. Вот недавно позвонил один бывший ученик, 75 ему исполняется, обещал за мною машину прислать. Вот на фото мальчик-бурят, почти родной мой стал, семья у него такая славная, я не раз у них бывала. Мама, когда в первый класс его привела, со слезами рассказывала: «Так случилось, что мальчику в детстве выбили глаз из лука, и как он теперь будет, ума не приложу?!» Я ее

успокоила, посадила его на первую парту и постоянно следила, чтобы никто его не обидел... Вот девочка одна, взрослая уже, пишет: «Объясните моей маме, какая я, она плохо обо мне думает, называет нехорошими словами!» Я пошла и поговорила...

Когда человек любит детей, они к нему всей душой тянутся. И не только в классе эти отношения строятся. Когда-то Сучков пришел в класс, рассказывал с вдохновением об артиллерии. У них глазки загорались. Я когда директором была, постоянно приглашала своих бывших учеников, состоявшихся в какой-то профессии. Многим, думаю, запомнилось, как два моряка на урок приходили и пели и плясали, подарили лучшим мальчишкам бескозырки.

На одной из встреч самый шальной мой ученик признался: «Много горя Вам и маме я принес, но когда в окопе танки стали затирать нас, кричал: «Мама! Мама!». Только часть ступни на поверхности осталась. По ней собаки и нашли нас. Я сейчас хожу в классы и говорю ребятам: «Берегите матерей своих и таких вот учителей, которые родными становятся. Вы все вложили в нас: и любовь к матери, и к родине, и уважение ко взрослому!»

«Вокруг меня сыны и дочки»

Последний год я в продленке работала. Понедельник у меня был спортивный день, во вторник занимались русским языком, а в среду — чтение, старалась с иркутскими писателями знакомить. Константину Седых написали, а он нам ответил и книгу подарил. В пятницу математикой занимались — я сама кроссворды составляла. А уж путешествовали мы!.. Уходили в лес искать чудо, о каждом дереве сказку сочиняли, каждый листик в альбом зарисовывали. К папе, маме на работу все гуртом ходили, знакомились. В Академгородке я с 1964 года, а потому все институты и их особенности знала.

Какие удивительные тетради были у моих учеников, какие замечательные сочинения они писали. Например, Саша Трофимов, сейчас он доктор химических наук.

Мы переписывались с писателем Сладковым — он прислал нам 15 книг. Еще мы выпускали альбом «АБВГДейка». А более все-таки любили задушевные беседы. Стулья ставим полукругом, чтобы в лицо друг другу смотреть, и разговариваем, как одна семья. А когда ребята уставали работать, я включала музыку Вагнера, они закрывали глаза и минуту отдыхали.

Сейчас уже не работаю. Но ко мне все время приходят — то один, то другой, а то и кучей. С болью, несчастьями и радостями. В каждой папке у меня письма, письма. Вот в альбоме, взгляните — какие гладиолусы выращивает мой бывший троючник, мой «сын». Недавно классный праздник мне устроил на своей даче.

А это вроде тоже как сын, я буквально вытащила его «из ямы», сейчас работает сварщиком. Теперь частенько ко мне приходит, как родной, да еще и друзей приводит. На свадьбе рядом с собой посадил: «Вы же моя мама!».

Есть у Екатерины Гавриловны награды — знак «Отличник просвещения», медали, многочисленные грамоты всех уровней. Но главная награда — это благодарности и любовь учеников, которых у нее великое множество. В юбилейные праздничные дни телефон в ее квартире разрывается от звонков, а визиты гостей расписаны на полмесяца вперед. Знают — каждого она поймет, и для каждого у нее найдется нужное доброе слово.

Галина Киселева, г. Иркутск
Фото В. Короткоручко

Конкурс

Учреждение Российской академии наук Институт горного дела Севера им. Н.В. Черского Сибирского отделения РАН объявляет конкурс на замещение вакантных должностей:

— зав. лабораторией георадиолокации по специальности 25.00.20 «геомеханика, разрушение горных пород, рудничная аэрогазодинамика и горная теплофизика», имеющего ученую степень доктора наук, специализацию в области исследования геосред методами георадиолокации, стаж научно-организационной работы не менее 10 лет;

— зав. лабораторией комплексного использования углей по специальности 25.00.22 «геотехнология (подземная, открытая и строительная)», с ученой степенью кандидата наук, специализацией в области техники и технологии горного производства и технологии комплексной переработки твердого топлива, стаж научной работы не менее 10 лет;

— научного сотрудника лаборатории механики геоматериалов по специальности 01.02.06 «динамика, прочность машин, приборов и аппаратуры», имеющего ученую степень кандидата технических наук и опыт работы на испытательных машинах UTS, владеющего методами экспериментальной механики материалов и механики разрушения.

Срок конкурса — 2 месяца со дня публикации объявления. Документы направлять в конкурсную комиссию по адресу: 677018, г. Якутск, пр. Ленина, 43. Справки по тел.: (4112) 33-59-37 (ученый секретарь); (4112) 39-00-47 (отдел кадров). Объявление о конкурсе и перечень необходимых документов размещены на сайте института (<http://www.igds.ysn.ru>).